

«ПОПУЛИСТСКИЙ МОМЕНТ» И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ (БЕС)ПОРЯДОК

Введение

Во время обсуждений и споров о подъеме популистских партий правого толка, явление не только было охарактеризовано, как рожденное из исторического фашизма¹ или как реакция на современное беспокойство из-за культуры, небезопасности и неустойчивого положения в обществе, порождаемые глобальными неолиберальными программами.² Этот подъем также рассматривается и как системная коррекция политики, которая очень сильно отделилась от людей³ или, по словам Каса Мудде, — «нелиберальный демократический ответ на недемократический либерализм».⁴ Учитывая эти противоречивые интерпретации, неудивительно, что популизм, выступающий против истеблишмента, иногда описывается, как поддерживающий одновременно и враждебные, и дружественные отношения с демократией.⁵ Эксклюзивистские мнения и идеи о том, что представляет собой демос, сопоставляются с мнениями и идеями, где подчеркивается спасительный потенциал демократии, на основании чего «народ» должен принимать решения

¹ Федерико Финкельштейн. *От фашизма к популизму в истории* (Окленд: Издательство Калифорнийского университета, 2017).

² См. Пьеро Игнаци. *Ультраправые партии в Западной Европе* (Оксфорд и Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2003).

³ Кас Мудде. «Проблема популизма», *The Guardian*, 17 февраля 2015 года.

⁴ См., например, недавнюю работу Роджера Итуэлла и Мэттью Гудвина, в которой чувствуется одобрительное отношение к теме, *Национальный популизм: восстание против либеральной демократии* (Лондон: Penquin, 2018).

⁵ Кас Мудде и Кристоаль Ровира Кальтвассер, *Популизм* (Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2017), сс. 18–20.

о своем будущем путем прямого выражения своей суверенной воли.⁶ Связь праворадикальных партий с популизмом⁷, который имеет свои собственные четкие левосторонние исторические линии, является еще одним осложняющим фактором. Некоторые ученые, как, например Мудде и Кристобаль Кальтвассер, утверждают, что популизм представляет собой так называемую «тонкую идеологию»⁸ (эта концепция взята у Майкла Фридена) и она присоединяется к «главенствующей идеологии», которая может быть, как в левом крыле, так и в правом. Такое гибкое определение, которое предполагает организованную, хотя и мимолетную и быстропроходящую реакцию на различные политические условия, сопряжено с риском стирания концепции исторических масштабов, а также происхождения, преемства и родства концепций.⁹ Поскольку формы популизма левого и правого толка часто являются прямо противоположными, их слияние или объединение не включает важнейшие идеологические различия.

Критика леворадикальными партиями социального неравенства и

⁶ Маргарет Канован. «Доверьтесь людям! Популизм и два лица демократии», *Политические исследования*, 47,1 (1999), 2–16.

⁷ О популизме см. Мудде. *Популистские праворадикальные партии: сборник текстов* (Лондон и Нью-Йорк: Routledge, 2017); Мудде и Кальтвассер, *Популизм*; Финкельштейн. *От фашизма к популизму в истории*; Кирк А. Хокинс, Райан Е. Карлин, Левенте Литтвай и Кристобаль Ровира Кальтвассер (ред.). *Умозрительный подход к популизму: концепция, теория и анализ* (Лондон и Нью-Йорк: Routledge, 2019); Ян-Вернер Мюллер. *Что такое популизм?* (Филадельфия: Пенсильванский университет, 2016); Надя Урбинати. *Исуродованная демократия: мнение, истина и люди* (Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 2014); Бенджамин Моффитт. *Глобальный подъем популизма: результаты, стиль и представительство* (Стенфорд: Издательство Стенфордского университета, 2016); Джон Б. Джудис. *Взрыв популизма: как Великая рецессия изменила американскую и европейскую политику* (Нью-Йорк: Глобальный отчет Колумбийского университета, 2016); Шанталь Муффе. *За левый популизм* (Лондон и Нью-Йорк: Verso, 2018); Роджер Итуэлл и Мэттью Гудвин. *Национальный популизм: восстание против либеральной демократии*.

⁸ См. Бен Стэнли. «Тонкая идеология популизма», *Журнал политических идеологий*, 13, 1 (2008), 95–110; Кас Мудде, «Популистский дух времени», *Правительство и оппозиция*, 39 (2004), 542–563; Эрнесто Лаклау. *О причине популизма* (Лондон: Verso Books, 2005); Майкл Фриден. *Идеологии и политическая теория: концептуальный подход* (Оксфорд: Clarendon Press, 1996); он же, «Идеология и политическая теория», *Журнал политических идеологий*, 11 (2006), 3–22.

⁹ См. Финкельштейн. *От фашизма к популизму в истории*, с. 130.

отождествление либерализма с демократией определенно основываются на дискурсах, направленных против элиты.¹⁰ Но критика ультраправыми элит от лица народа и во имя народа может частично рассматриваться как реакция на антидемократическую технократию, это скорее антиполитика, основанная на этнонационализме и социально-культурном консерватизме. По этой причине некоторые ученые, такие как Жак Рансьер, не хотят использовать ярлык популизма на основании того, что в таком случае сливаются критические оценки неолиберализма левых и расистские традиции правых.¹¹ По его мнению, моралистическое осуждение популизма во всех его проявлениях сводится к попыткам представителей элиты уменьшить выражения демократической воли народа. Учитывая, что термин широко распространен, от него бессмысленно отказываться. При этом постоянно напоминает о себе отсутствие четкого определения, которое бы не только учитывало амбивалентную историю популизма как политической категории, но и то, как он использовался и продолжает использоваться на практике.

В настоящей работе я исследую европейский популизм правого толка — как идеологию и основу формирования партий — с точки зрения выхода за пределы одного государства и сравниваю различные его проявления. Исторически популизм правых должен рассматриваться как часть традиции, которая восходит к двум мировым войнам и периоду холодной войны.¹² Он

¹⁰ Там же, с. 134.

¹¹ Жак Рансьер. *Ненависть к демократии* (Лондон: Verso, 2006), сс. 79–80.

¹² Финкельштейн. *От фашизма к популизму в истории*.

уходит корнями в различные политические среды¹³ — он может быть частью «наследия фашизма», неофашизма, неолиберализма и выступлений против повышения налогов — и существует в нескольких формах.¹⁴ Я привожу здесь доводы о существовании функциональных связей между современными праворадикальными партиями и праворадикальными партиями, существовавшими в период между двух мировых войн.¹⁵ Несмотря на их различные позиции по отношению к либеральной демократии — первые ее принимают, а вторые отвергают — у них есть общие интересы и программы действий в отношении представителей элиты, по этнонациональному вопросу, традиционным социальным и культурным вопросам. Однако более важным является их поведение в рамках политических систем. В то время как популисты не используют насилие, как делали фашисты, они готовы идти на альянсы с консервативными элитами ради достижения своих целей в плане получения власти и мест в правительстве.¹⁶

Я также хочу показать, что партийные платформы европейских праворадикальных партий, за исключением только явно связанных с фашистскими корнями или идеологией, как, например «Золотая заря» в Греции, имеют общие черты, которые не только подчеркивают их транснациональный характер, но также и показывают их принадлежность к одной группе партий.

¹³ Дафне Халикиопулу и София Василопулу. «Поддержка ультраправых на выборах в Европейский Парламент в 2014 году: сравнительные перспективы», *Ежеквартальный политический журнал*, 85, 3 (2014), 286.

¹⁴ Ричард Гриффитс. *Фашизм* (Лондон: Continuum, 2006), 150–152.

¹⁵ См. Финкельштейн. *От фашизма к популизму в истории*, с. 251.

¹⁶ См. Мартин Блинкхорн (ред.). *Фашисты и консерваторы. Праворадикальные партии и истеблишмент в Европе в двадцатом веке* (Лондон: Unwin Human, 1990); он же. *Фашизм и правые партии в Европе, 1918–1945 гг.* (Лондон: Longmans, 2000).

Это в частности отражается в их идеологическом упоре на этнический вопрос, где они требуют исключения определенных элементов, шовинизм благосостояния и культурный консерватизм. Наконец, борясь за голоса избирателей с популистами правого крыла, консервативные партии из Северной и Западной Европы, за небольшим, но важным исключением в частности, в Германии, Франции и Швеции, ускорили принятие праворадикальных партий в политический мейнстрим, и это стало частью стратегии управления. Однако нужно подчеркнуть, что это сотрудничество идет не по одной единственной схеме. Некоторые консервативные партии, в особенности в северных странах, не готовы заходить так далеко как остальные в нейтрализации популистских правых партий или через полуавторитарное правление, как в случае Венгрии и Польши, или то, что можно назвать «слизыванием» программ, как в Австрии, по таким вопросам как иммиграция и ислам.

«Кризис представительства»: связи между популизмом и демократией

В то время как теоретики популизма определяют концепцию различными путями, они обычно описывают ее с точки зрения антагонистических отношений между «народом» и элитами. Мудде и Кальтвассер утверждают, что, как и другие идеологии, такие как либерализм, национализм или социализм, популизм может давать положительные или отрицательные

результаты: как потенциальная корректировка или угроза демократии, в зависимости от политического контекста.¹⁷ Как демократизирующая сила, он защищает принцип народного суверенитета с целью предоставления возможностей группам, которые считают, что политический истеблишмент не представляет их интересы. С другой стороны, это также может привести к авторитарным изменениям и конфликту с либеральной демократией из-за отказа от плюрализма, включая права меньшинств.¹⁸ Таким образом, парируя аргумент, что их определение популизма слишком широкое и гибкое, Мудде и Кальтвассер подчеркивают, что оппозицию популизму составляет не только элитизм, но также и плюрализм, в который входят разнообразные, частично пересекающиеся социальные группы с различными идеями и интересами.

Ян-Вернер Мюллер, который в первую очередь сосредотачивает внимание на популизме правого крыла, отмахивается от его спасительных возможностей и видит его фундаментально несовместимым с демократией. Он утверждает, что популисты правого крыла хотят отождествлять себя с «народом» в попытке представлять его эксклюзивным образом. Он ставит знак равенства между либеральной демократией и демократией и подчеркивает, что популизм никогда не сможет улучшить политическую систему, которая стала введена элитой. Таким образом, популистское разграничение «чистого народа» и «коррупцированной элиты» включает особую моралистическую

¹⁷ Там же, с. 79.

¹⁸ Мудде и Кальтвассер, *Популизм*, сс. 18–20.

политическую фантазию. «Народ» не существует в реальном мире, поскольку это воображаемая конструкция, созданная в антидемократических целях. В то время как Мюллер допускает, что практики либеральной демократии оставляют желать лучшего в ряде стран, ее следует защищать от ложных обещаний популизма о демократическом обновлении.¹⁹ Принимая такую морализаторскую и оборонительную позицию, он не говорит то, что утверждают теоретики, критикующие демократию, как, например, Яннис Ставракакис и Антон Ягер, которые считают, что в век усиления социального неравенства и технократии по большей части элиты виноваты в отделении либерализма от демократии и обычно создают условия для нынешнего подъема популистских правых партий.²⁰ На самом деле провал политических элит до и после финансового кризиса 2008 года, может, по крайней мере частично, объяснить снижение доверия к либерально-демократическим институтам.

Тем не менее, Надя Урбинати, как и Мюллер, предупреждает о деструктивной тенденции популизма — будь то правых или левых — для того, чтобы сделать демократию более мажоритарной или менее либеральной. По ее мнению, популизм искажает демократические институты губительным образом, потому что делает трудно управляемой полемику между меньшинством и большинством, выражающими свои мнения.²¹ Она утверждает, что стратегия, включающая гегемонистскую политику, как

¹⁹ Мюллер. *Что такое популизм?* сс. 6, 10–11, 76.

²⁰ См. Яннис Ставракакис и Антон Ягер. «Достижения и ограниченность “нового” основного направления в современных исследованиях популизма», *Европейский журнал социальных исследований*, 21, 4 (2018), 547–565.

²¹ Надя Урбинати. *Изуродованная демократия: мнение, истина и люди*, с. 149.

предлагаемая теоретиком левого крыла Эрнесто Лаклау, будет представлять риск превращения в средство достижения целей для реакционного автократизма, использующего популизм для своей победы.²² В случае успеха это может привести к уходу от репрезентативной и конституционной демократии. Вместо этого Урбинати подчеркивает ключевую роль «посреднических органов» в либеральных демократиях, которые способны передавать политические требования из партийной базы элите без прямого объединения, предлагаемого популистскими демагогами, или неограниченной демофобии технократов из элиты.²³

Все эти мнения подчеркивают, что популисты хотят обойти репрезентативные институциональные механизмы, включая парламентские процедуры, сократить дистанцию между народом и его представителями, например через плебисциты, и ослабить разделение власти. Тем не менее доминирующей тенденцией в научных кругах является определение популизма исключительно в «умозрительных» терминах — как дискурса, идеологии или мировоззрения — и это ошибочно, потому что в таком случае не обращается достаточно внимания на практику популизма. Упор на радикальную настроенность популизма против элит не только имеет склонность скрывать его сотрудничество с консервативными элитами, но также и его функциональные роли в рамках либерально-демократических систем.

²² Там же, сс. 137, 153.

²³ Урбинати. «Восстание против посреднических органов», *Созвездия* 22 (2015), 484–485.

Независимо от определения праворадикальных партий, они выиграли в Европе от «разрегулирования» либерально-демократических систем или нарушения связи между самоопределением личности и присоединением к политической партии. После серьезного упадка социал-демократических и некоторых правоцентристских партий, допускающих большое многообразие (эта тенденция сопровождалась ослаблением либеральных партий), ультраправые партии во многих странах стали вторыми или третьими по численности политическими силами. И если ослабление умеренных левых партий открыло пространство для леворадикальных и некоторых «зеленых» партий, общим результатом этой политической перестройки стало усиление партий правого толка. Было предложено несколько объяснений сокращения и ослабления левых партий, такие как принятие глобалистской неолиберальной программы в десятилетие перед финансовым кризисом 2008 года, символизируемое идеологией «Третий путь», и увеличение отрыва от рабочего движения. Это позволило популистским праворадикальным партиям проложить пути на территории, где традиционно голосовали за левых, а также расположить к себе избирателей из рабочего класса, в особенности после смещения упора, как было сделано во многих случаях, с неолиберальной политики к социальному государству и изображения иностранных рабочих как конкурентов на рынке труда. В дополнение к этому, популисты правого толка соединили просоциальную позицию с риторикой, направленной против элит и иммиграции.

Шанталь Муффе утверждает, что наступил «популистский момент», сигнализируя о кризисе неолиберальной гегемонии, установленной в 1980-ые годы. Более того, она предсказывает, что центральная ось политического конфликта в ближайшем будущем окажется между популизмом правого толка и популизмом левого толка. Для того, чтобы противостоять резкому подъему правых партий, в соответствии с теорией Лаклау, была разработана популистская стратегия левых для установления более демократической гегемонистской формации. Опыт тэтчеризма в Великобритании, по ее утверждению, показывает, что в европейских обществах возможно вызвать трансформацию существующего порядка без разрушения либерально-демократических институтов.²⁴ Учитывая нынешнюю слабость левых, трудно увидеть, как популистская стратегия обеспечит их оружием, необходимым для противостояния праворадикальным партиям. Но нет сомнений, что электоральные успехи популистов правого крыла в Европе нужно рассматривать в контексте более широких социальных тенденций, таких как усиление социального неравенства, происходящего из неолиберальных программ глобализации, что символизируется серьезным экономическим спадом, получившим название «Великая рецессия», и такой реакцией как «идентитаризм» (термин, используемый для обозначения идеологии европейских новых правых) на фоне мультикультурализма, запущенного недавним притоком иммигрантов.

²⁴ См. Шанталь Муффе. *За левый популизм*, сс. 6, 11, 36.

Смешанные идеологические послылы

Европейские популистские партии правого толка обычно принимают программу, в которой подчеркивается «чистое» национальное прошлое и культурная однородность, а исторические мифы, включая воплощение европейского «государства всеобщего благосостояния», в особенности в северных странах, играют важную роль в проектах по формированию эксклюзивистской идентичности. Они также строятся на идее этноплюрализма, как диаметрально противоположной мультикультурализму идеологической установке. Вместе того, чтобы сосредотачивать внимание на «крови и почве», как делали фашистские партии, популисты используют монокультурные аргументы, чтобы убедить в необходимости сохранения уникальных национальных черт. Различные этнические группы нужно держать отдельно друг от друга на основании «видовых различий», так как любая «смесь» приведет к упадку культуры. Некоторые ученые не считают этот аргумент частью традиционного расистского дискурса, потому что этноплюрализм не должен быть иерархическим и состоять из «высших» и «низших» этнических групп.²⁵ Но такая интерпретация неуместна. Кроме антиисламского подтекста, эта идеологическая установка определенно является частью расистской

²⁵ Габриэлла Элгениус и Йенс Ридгрэн. «Рамки ностальгии и принадлежности: возрождение этнонационализма в Швеции», *Европейские общества* (июль 2018 года, электронный ресурс), ЦОИ: 10.1080/14616696.2018.1494297.

традиции. Например, «равенство порознь» было стандартным рефреном у тех в США, кто пытался сохранить сегрегацию Юга во время борьбы за гражданские права в 1950-х и 1960-х годах.

Также можно найти и сходство программ. Как и праворадикальные партии в период между двумя мировыми войнами, современные ультраправые партии обычно отказываются определять себя, используя традиционное деление на две части – правого толка или левого толка. Их программа действий нацелена на маргинальные группы, и они, по выражению Йенса Ридгрена, предлагают новый «ведущий кадр», соединяющий национальное своеобразие и риторику, направленную против истеблишмента.²⁶ Тем не менее, большинство популистских партий правого толка отказались от открытой связи с историческим расизмом или фашизмом на основании того, что это снизило бы их политическое влияние. Определенно имели место заигрывания с таким прошлым. Маттео Сальвини, лидер популистской партии правого толка «Лига Севера», после того, как стал министром внутренних дел, без угрызений совести перефразировал в своем Твиттере одну из самых известных фраз Муссолини: «Больше врагов, больше чести». В немецкой партии «Альтернатива для Германии» есть элементы, которые можно описать как поддерживающие неонацистскую и антисемитскую программу. У «Шведских демократов» есть неонацистская подоплека, и они традиционно ностальгируют

²⁶ См. Йенс Ридгрэн. «Заразен ли популизм ультраправых партий? Объяснение появления группы новых партий», *Европейский журнал политических исследований*, 44 (2005), 413–443.

по периоду между двумя мировыми войнами. Партия «Йоббик» в Венгрии продемонстрировала антиримские и антисемитские настроения, даже хотя ее лидеры попытались смягчить программу, стараясь изменить ультранационалистический и ксенофобский имидж.

Это не означает, что все популистские партии правого толка тайно связаны с прошлым, потому что некоторые хотят полностью от него отделиться. Такие партии, как Австрийская партия свободы²⁷ и Партия прогресса в Норвегии,²⁸ являются консервативными и традиционалистскими в том, что касается социальных вопросов, но поддерживают индивидуалистскую либеральную экономическую политику в отличие от социальной корпоративистской, а в некоторых случаях антикапиталистическую риторику праворадикальных партий периода между двумя мировыми войнами. Скорее всего, успеха на выборах в современной Европе добьются те из этих партий, которые соединят националистическую идеологию и консервативные культурные ценности с политикой социальной защиты. На самом деле это стало новой «победной формулой» праворадикальных партий, в отличие от

²⁷ Рейнхард Хейниш и Кристина Хаузер. «Австрийская партия свободы в мейнстриме: чем больше все меняется...», в: Тьитске Аккерман, Сара Л. де Ландж и Маттйис Рудуйин. *Популистские праворадикальные партии в Европе: в мейнстриме?* (Нью-Йорк: Routledge, 2016) сс. 73–93.

²⁸ О Партии прогресса см. Андерс Равик Юпскас. «Укрощение строптивой: как Партия прогресса (почти) стала частью мейнстрима», в: Аккерман, де Ландж и Рудуйин. *Популистские праворадикальные партии в Европе: в мейнстриме?* сс. 169–192; Эллин Хаугсгерд Аллерн, «Современные взаимоотношения “новых левых” и “новых правых” партий с группами лиц, имеющими общие интересы: исключение или мейнстрим? О норвежских Социалистической левой партии и Партии прогресса», *Скандинавские политические исследования*, 36, 1 (2013), 67–90; Йохан Бьеркем. «Норвежская Партия прогресса: признанная популистская партия», *Европейский взгляд*, 15 (2016), 233–243; Андерс Равик Юпскас. «Настойчивость популизма: норвежская Партия прогресса, 1973–2009» (Диссертация на соискание ученой степени доктора философии: Университет Осло, 2015).

комбинации неолиберализма и культурного традиционализма, которую Энтони Дж. Макганн и Герберт Китшелът предлагали в 1990-ые годы.²⁹

Ян-Вернер Мюллер в своей очень ограничительной интерпретации популистской идеологии обходит ее исторические масштабы³⁰ и воздерживается от таких объясняющих факторов, как экономические кризисы, кризисы современности и социальные потрясения. Более того, он не только включает все популистские партии правого толка в одну категорию, но и не делает различия между авторитарными лидерами, такими как Реджеп Тайип Эрдоган и Виктор Орбан. Для противопоставления подобному упрощению может быть полезно проанализировать популизм таким образом, как изучались партии правого толка, действовавшие в период между двумя войнами, то есть обратить больше внимания на то, что объединяет и отличает друг от друга радикалов и консерваторов. В Венгрии Орбан и его партия «Фидес», или Венгерский гражданский союз, резко передвинулась в правое крыло, много позаимствовав у «Йоббика». Учитывая его националистическую, ксенофобскую программу и политику поощрения рождаемости, возможно, что Орбан в конце концов уйдет от своей традиционной консервативной базы и объединится с популистами. Но пока Орбан следует гибридной стратегии, которая позволяет ему оставаться в обоих лагерях. Он обхаживает популистов правого крыла, таких как Сальвини в Италии и Марин Ле Пен во Франции, но он все еще

²⁹ См. Энтони Дж. Макганн и Герберт Китшелът. *Новые праворадикальные партии в Европе* (Энн-Арбор: Мичиганский университет, 1995).

³⁰ См. Мюллер. *Что такое популизм?*

остается объединенным с консервативными партиями, включая основную фракцию в Европейском Парламенте – правоцентристскую Европейскую Народную партию, даже если членство его партии в ней приостановлено. Себастьян Курц, Федеральный канцлер Австрии, тоже включил в программу своей Австрийской партии свободы соответствующие элементы, сделав приоритетными вопросами борьбу с иммиграцией, шовинизмом благосостояния и политическим исламом. В то же самое время он идентифицирует себя с правоцентристскими консервативными партиями в Европейском Парламенте. И в отличие от Орбана, он твердо выступает за европейский проект, критикуя венгерское правительство за подрыв независимости юридической системы. Таким образом, если консервативные правые партии прекрасно могут пересекать идеологические линии, совершенно необязательно, что они делают это в унисон.

Утверждение Мюллера о том, что популистские лидеры в целом не заинтересованы в активизировании и мобилизации населения, ошибочно, потому что он не учитывает ключевые идеологические различия. Некоторые авторитарные лидеры, которые полагаются не на партийные структуры, а на государство, могут пытаться задушить участие простых людей. Но популистские лидеры, которые с энтузиазмом искали возможность работать вместе с авторитарными лидерами правого крыла с сильными партийными связями, склонны стимулировать поддержку широких масс. По выражению Герберта Китшеля, такие партии, возникшие из общественно-политических

движений, пытаются соединить деятельность на арене официальной демократической конкуренции с мобилизацией за пределами институтов.³¹ И точно также не имеет смысла отказываться от социологических анализов избирательной базы популистов, как делает Мюллер, на основании того, что такие партии склонны «ловить всех, кого удастся поймать». Фашистские и праворадикальные партии привлекали избирателей из всех социальных слоев в 1930-ые годы, но не в равной степени, как показывают многочисленные исследования состава их членов и избирательной базы.³²

Праворадикальные и консервативные правые партии

Попытка многих популистских партий смягчить свой посыл об этнической эксклюзивности открыла возможности для сотрудничества с другими партиями. С тех пор приспособление стало преобладающей формой взаимоотношений между европейскими консервативными и популистскими партиями, и оно практикуется путем коалиционных соглашений при формировании правительства или идеологического родства. Однако в

³¹ Герберт Китшелъ. «Партии, возникшие из общественно-политических движений», в: Ричард Кац и Уильям Кротти (ред.), *Справочник по партийной политике* (Лондон: Sage Publications, 2006), p. 280.

³² О социальной основе фашизма см. Томас Чайлдерс. *Нацистский избиратель: социальные основы фашизма в Германии, 1919–1945 гг.* (Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1983); Юрген Фальтер. *Голосующий за Гитлера* (Мюнхен: C.H. Beck Verlag, 1991); Майкл Х. Кейтер. *Нацистская партия: сведения о ее членах и лидерах, 1919–1945 гг.* (Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1983); Уильям Бруштейн. «Политическая география бельгийского фашизма: Рексизм», *Американский социологический обзор* 53 (1988), 939–50; Ричард Ф. Гамильтон. *Кто голосовал за Гитлера?* (Принстон: Издательство Принстонского университета, 1982); Адриан Литтелтон. *Захват власти: фашизм в Италии, 1919–1929 гг.* (Лондон: Weidenfeld and Nicolson, 1973); Паоло Фамети. «Кризис парламентской демократии и захват власти фашистской диктатурой, 1919–1922 гг.», в: Хуан Линц и Альфред Степан (ред.), *Распад и кризис демократий* (Балтимор: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1979).

некоторых случаях правоцентристские партии по идеологическим причинам воздерживаются от любого вида сотрудничества с праворадикальными партиями. В других случаях консерваторы могут править сами по себе или сотрудничая с другими центристами, или, в некоторых случаях, с социал-демократическими партиями. Скандинавские популистские партии добились наибольшего успеха в Европе в плане признания другими партиями и интегрирования в политическую систему. Более того, они стали правящими партнерами консервативных партий в Дании, Норвегии и Финляндии. Это означает, что либеральные и центристские партии играют менее важную роль как влиятельные политические силы, чем в прошлом. Швеция представляет собой аномалию: либеральные партии решили переметнуться на другую сторону и поддерживать социал-демократов в коалиционном правительстве, чтобы установить санитарный кордон для сдерживания популистской партии «Шведские демократы».³³ В то же самое время популисты правого толка конкурируют с консервативными партиями, чтобы стать вторыми по численности после социал-демократов в Скандинавских странах.³⁴ Точно также

³³ О партии «Шведские демократы» см. Ов Кристиан Норосель. «Популистские праворадикальные защитники народа: шовинизм благоденствия в Швеции», *Критика социальной политики*, 36, 3 (2016), 371–390; Гиссур О Эплингссон, Каре Вернбиб и Ричард Охрвалл, «Тезис о партии одного вопроса и “Шведские демократы”», *Acta Politica*, 49, 2 (2014), 196–216; Мария Оскарсон и Мари Демкер. «Место для реорганизации: симпатии рабочего класса к “Шведским демократам”», *Правительство и оппозиция*, 50, 4 (2015), 629–651; Никлас Болин. «Верный новобранец? Первый год “Шведских демократов” в Европейском Парламенте», *Польский ежеквартальный журнал о международных событиях*, 2 (2015), 59–77; Габриэлла Элгениус и Йенс Ридгрэн. «“Шведские демократы” и этнонационалистическая риторика загнивания и предательства», *Sociologisk Forskning*, 54, 4 (2017), 353–358; Ов Кристиан Норосель. «“Верните нам назад Швецию!” Феминистское восприятие (ре) интерпретации концептуальной метафоры о народе в популистском дискурсе шведских праворадикальных партий», *NORA – Северный журнал исследования феминизма и гендерных вопросов*, 21, 1 (2013), 4–20.

³⁴ Даже если финны потеряли большую часть поддержки после раскола на две партии. О популизме финского правого крыла см. Нико Хатака. «Когда сталкиваются логика партийной политики и активность в Сети: обсуждение особенностей финской популистской партии», *Новые СМИ и общество* 19,12 (2017), 2022–2038;

в Австрии Австрийская партия свободы уже какое-то время является частью мейнстрима и в настоящее время – младшим партнером в коалиционном правительстве совместно с консервативной Австрийской народной партией. А в Италии «Лига Севера» изначально хотела сохранить альянс с консервативной партией Сильвио Берлускони перед тем, как последняя согласилась не входить в правительство, чтобы открыть путь для формирования правительственной коалиции популистской партии правого крыла Сальвини и популистами левого толка, «Движением пяти звезд».

В некоторых странах исторические или идеологические факторы препятствуют любому сотрудничеству между консерваторами и популистами. В Германии Христианско-демократический союз был вынужден обновить свое коалиционное правительство с социал-демократами, частично для того, чтобы предотвратить новые выборы, где «Альтернатива для Германии» могла бы улучшить свои недавно обретенные позиции, как третья по величине партия в Парламенте Германии. Учитывая тень нацистского прошлого, Христианско-демократическому союзу будет чрезвычайно сложно решиться на любое сотрудничество с ультраправыми. Более консервативная, «сестринская» партия Христианско-демократического союза под названием Христианско-социальный союз также яростно выступает против этого, даже хотя позаимствовала анти-иммигрантскую риторику у «Альтернативы для Германии». И даже можно не

Инари Сакки, Эмили Хакоконгас и Катарина Петтерссон. «Прошлое и настоящее националистической политической риторики в Финляндии: перемены и неразрывность», *Журнал о языке и социальной психологии*, 37, 2 (2018), 160–180; Арпад Велкер. «Консолидация, историография и проблема популизма в Финляндии», *Европейский обзор*, 21, 4 (2013), 489–500.

упоминать, что Президент Франции Эммануэль Макрон, который решительно победил на президентских выборах Марин Ле Пен, продолжает политику своих предшественников, консерваторов правого толка и социалистов левого толка, отказываясь от любого сотрудничества с ультраправым «Национальным объединением» или «Национальным фронтом», как партия называлась раньше.³⁵

Другие консервативные партии, в частности в таких странах как Венгрия и Польша, преобразовались в полуавторитарные партии правого крыла, которым хорошо удается борьба с популистскими партиями как идеологическими соперниками. Это в особенности относится к «Фидес», которая сохраняет абсолютное большинство в Парламенте Венгрии и заставила «Йоббик» искать идеологическое утешение среди слабых оппозиционных партий. В Чешской республике, где премьер-министр Андрей Бабиш продемонстрировал полуавторитарные склонности, популисты правого крыла необходимы для поддержки правительства, но не играют основной роли, потому что задействованы и другие маленькие партии, включая коммунистов.

Таким образом успех популистских правых партий во многих европейских странах, будь то как часть коалиционных правительств или партий, поддерживающих правительство консерваторов, позволил им действовать одновременно и как системным дестабилизатором, и

³⁵ Аурелиен Мондон. «Национальный фронт в двадцать первом веке: от парии до соперника республиканской демократии», *Новая и современная Франция*, 22, 3 (2014), 301–320.

стабилизатором, что парадоксально. С одной стороны, это разрушительная сила, выступающая против элит, пытающаяся изменить основную политическую линию по вопросам иммиграции, социального обеспечения, мультикультурализма и европейской интеграции. С другой стороны, это приспособленческая политическая сила, готовая на политические альянсы, основанные на националистических и традиционалистских программах действий.

Вывод

Несмотря на возрождение праворадикальных партий по всей Европе, ни одной популистской партии не удалось монополизировать власть или сформировать свое правительство. В то время, как популистским партиям потребовалось несколько разбавить свою радикальную программу в обмен на прямо или косвенно принятые на себя правительством обязательства,³⁶ им удалось сыграть роль руководящей и направляющей силы в утверждении политической повестки дня в таких вопросах, как иммиграция.³⁷ Желание и готовность вступать в коалиции с другими политическими силами перечеркивают ошибочное, но часто повторяемое заявление о том, что популисты считают всех

³⁶Энн-Катрин Юнгар и Андерс Равик Юпскас. «Популистские праворадикальные партии в Северном регионе: новая и четко выделяющаяся группа партий?», *Скандинавские политические исследования*; 37, 3 (2014), 215–238.

³⁷См. Линнея Линдскольд. «Противоречивая культурная политика: сравнительное исследование культурной политики скандинавских праворадикальных партий», *Nordisk kulturpolitisk tidskrift*, 1 (август 2015 года), 8–26.

политических конкурентов и элиты незаконными. Здесь можно четко увидеть родство между настоящим и прошлым. Утверждение Мудде и Кальтвассера о том, что фашистские режимы скорее были элитарными, а не популистскими из-за идеологического упора на культ лидера и расовой политики, кажется неправильным.³⁸ Как и популисты, фашисты приняли программу действий, направленную против представителей элиты, даже хотя она и была скомпрометирована их сотрудничеством с элитами. После того, как они пришли к власти в Германии и Италии, наблюдалась ожесточенная конкуренция между партией и государством, эхом повторяя напряжение, которое является неотъемлемой частью взаимоотношений старой гвардии и новых сил, или «патрициев» и «плебейских» элементов. Это помогает объяснить, почему консерваторы обычно сотрудничают с праворадикальными партиями; они делают это по необходимости, а не из-за тесного политического, культурного или социального родства. С региональной европейской точки зрения, этот альянс в настоящее время наиболее четко просматривается в Скандинавии, но присутствует и в других странах, например, в Австрии.

Популизм правого крыла – это не возрождение исторического фашизма. Но его нельзя определять и как исключительно новое явление, связанное с появлением специфически сформированной партии в 1970-ые годы, которая уходила корнями в выступления против повышения налогов и неолиберальные экономические программы. Как некоторое время тому назад указал Роджер

³⁸ См. Мудде и Кальтвассер. *Популизм*, с. 33.

Гриффин, отказ от мультикультурализма популистскими партиями, их желание «чистоты, их ностальгия по мифическому миру расовой однородности», а также «четко установленных границ между разными культурами» и использование ими истории представляют собой заново оформленную версию того же основного мифа.³⁹ Таким образом, нынешний «популистский момент», который бросает вызов либеральному порядку, вызывает воспоминания, указывает на исторический след и не только в отношении прошлых идеологий правого крыла, но и, что более важно, их практик. И опять же некоторые консервативные партии приняли ключевые антилиберальные идеологические элементы программ праворадикальных партий, как способ ответа на политическую конкуренцию. Остается открытым вопрос, кто именно, популисты или консерваторы, в конце концов добьется победы в политической борьбе.

³⁹ Роджер Гриффин. «Междущарствие или конец игры? Праворадикальные партии в “постфашистскую” эпоху», *Журнал политических идеологий*; 5, 2 (2000), 163–178.